

ИНТЕРВЬЮ

РОЗАЛИНА РЫВКИНА: «Я была не “в образе” – это когда ты на вольных хлебах и можешь вести себя как хочешь»

Осень 2007

РЫВКИНА Розалина

Владимировна – д. э. н., заслуженный деятель науки, зав. лабораторией экономической социологии Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, профессор кафедры экономической социологии ГУ-ВШЭ.

Email: lnaryv@cityline.ru

– Инна Владимировна, давайте начнем с начала. То, что вы являетесь одной из двух матерей российской экономической социологии и основательниц новосибирской экономико-социологической школы, всем известно. Но вы же в Новосибирске не сразу оказались. Как это произошло?

– В первую очередь, я хотела бы сказать о странности моей биографии, которая заключается в следующем... Мой отец – известнейший музыковед, с орденами, с должностями – не жил с нами, он бросил маму и женился на студентке. Родители развелись, но мы с отцом общались. Он приходил в школу, вся школа его знала. Он приходил и на весь четвертый этаж кричал: «Инна!» (я в школе была Инной). Я сбегала по лестнице. Мы обнимались, целовались и шли на Невский проспект, где он меня знакомил: «Мурадели, Шестакович-младший, Шапорин, Басов», – и так далее.

Я, кстати, сначала, по окончании школы, пианисткой была. Правда, сейчас уже потеряла все. А тогда, еще до философского факультета я училась в консерватории, на историко-теоретическом факультете, готовилась к музыкальной карьере. Но однажды получила двойку по гармонии. У кого я получила двойку по гармонии? У внука Римского-Корсакова. Что такое гармония? Гармония – это наука об аккордах. Мне же гармония не давалась, потому что у меня нематематический интеллект. Даже сейчас у меня трудности с SPSS. И когда я получила двойку по гармонии, отец мне сказал: «Ты что, хочешь, чтобы у меня дочь была двоечница? Я замдиректора консерватории. Чтобы тебя через минуту здесь не было». И я подала заявление об отчислении, а ведь могла бы пересдать, выучить разрешения этих аккордов. Как я попала на философский факультет? Я хотела узнать смысл жизни.

– А после окончания факультета?

– После окончания отец мне сказал: «Инна, дочь коммуниста не может жить в столице». При этом у нас в Ленинграде было три квартиры: квартира на Жуковской, мамина и его огромная квартира, которую ему дал горком в Московско-Нарском жилом

массиве как заслуженному деятелю искусств. Но... «дочь коммуниста не может жить в столице». Так появилась Сибирь.

– *Не очень понятно, что он имел в виду.*

– Он мне сказал, чтобы я уезжала Родине помогать.

– *А, «Родина-мать зовет!»*

– Ну, естественно! Так он сказал. Я пошла и записалась по распределению в Новосибирск. Получила распределение и четверо суток ехала по Северной дороге на поезде.

Муж, кстати, уехал раньше меня, он вообще не должен был покидать Ленинград, куда приехал незадолго до моего отъезда. Он москвич. Но, самое главное, мой муж был физик-теоретик, аспирант ученика Ландау. Его научный руководитель был кандидатом, но очень талантливым молодым парнем. У меня Миша был военный герой, он воевал, имел благодарность маршала Толбухина за изобретение миноискателя. Правда, остался старшиной, не в больших чинах. Добровольно ушел на фронт. Вся группа ушла добровольно, чуда в этом не было. А когда вернулся, сказал: «Вот теперь бы я не пошел во второй раз». А вообще он хорошо воевал, по-настоящему.

– *А в Новосибирске?*

– Сначала я получила распределение в Сельхозинститут. Очень долго ждала решения обкома партии, так как на кафедре основ марксизма-ленинизма направлял непосредственно обком. Так вот решения долго не было. Потом меня все-таки вызвали в обком партии, долго на меня смотрели и сказали, что, в общем, я не доросла до преподавания. И я две или три недели жила без работы. Они долго не знали, куда меня деть. Однажды мне позвонили и сказали, чтобы я позвонила по такому-то телефону. Это был Сибирский строительный институт – СИБСТРИН. Большой институт, где готовили инженеров по строительству. Дали адрес, институт располагался в Октябрьском районе, недалеко от центра. Меня вызвал дядечка (я забыла его фамилию) и долго со мной разговаривал. И в этом строительном институте года полтора или два я проработала «заведующей марксизмом-ленинизмом», как это называли тетки, которые обслуживали вешалку.

– *А как же философия и базовое образование?*

– При всех кафедрах общественных наук города и всего Советского Союза были кабинеты марксизма-ленинизма и кабинеты истории ВКПб. Философии тогда не было, она возникла позже.

Так вот я заведовала кабинетом марксизма-ленинизма при кафедре марксизма-ленинизма. Занятие мое в тот период было таким. Меня вызвали в партком, познакомились и сказали: «Будете писать лозунги. Мы сейчас получили красный материал, получили белила, вот ваша группа студентов-архитекторов (у нас есть факультет архитектуры). Вы будете иметь дело с партприкрепленными в группе. Найдите партприкрепленных, вам дадут имена студентов, которые будут приходить, и место, где вы с ними будете встречаться. Там же вам дадут орудия производства: кисти, краски, тряпки, ножницы, гвозди». Так что в первые месяцы, когда я получила хотя бы какую-то работу, я стала делать лозунги. Содержания их я не помню, да и не нужно этого помнить. Лозунги были во здравие вождя и партии. Тексты давал партком. Вообще это была работа партии, парткома, которая называлась «наглядная агитация». Наглядная агитация проводилась повсеместно, по всей стране, и я довольно долго этим занималась.

– *То есть без преподавания пока...*

– Без преподавания. А учебная часть, по-видимому, все думала, куда меня направить. Наконец, мне решили дать группу и сказали идти в обком, в отдел науки знакомиться. Я пришла. Кадрами занимались секретари, и секретарь – я долго помнила его фамилию –

меня до преподавания не допустил. Он спросил, кто отец, кто мать, что заканчивала, какие оценки (а у меня были одни пятерки, мой портрет все время висел на доске почета)...

– *А почему не пускали преподавать? Сейчас-то вам, наверно, понятна причина...*

– Я была «не в образе». (Вообще-то я и сейчас «не в образе».) Вы понимаете, что такое человек «не в образе»? Я была подвижная, очень говорливая, я первая стала носить брюки. В моей жизни был случай, когда я пришла в обком и меня не пустили на проходной...

– *То есть недисциплинированная...*

– Нет, недисциплинированная – это когда тебе дают что-то делать, а ты не делаешь. А «не в образе» – это когда ты на вольных хлебах и можешь вести себя как хочешь. Одно дело, если ты строишь ходишь, даже если ты одна идешь по улице, высоко держишь голову, спину. А другое дело – если ты бегаешь. Это совершенно другой типаж.

В общем, я работаю в этом строительном институте. Назначена заведующей кабинетом, сижу там, книжки расставляю, формуляры на каждую книгу делаю, приходят журналы, я их принимаю, расставляю. Студенты практически не приходят, но все-таки я с ними разговариваю. А потом меня вызывают в обком. Этот же дядя в отделе науки и говорит: «Сейчас получите две группы, и мы посмотрим, как вы справляетесь». Мне дали две группы на 3-м курсе со второго семестра. И я начала работать с архитекторами. Работала я с огромным увлечением. Потом я перешла в мединститут. Каким образом – я плохо помню.

– *Так еще был мединститут?*

– У меня было много вузов до Новосибирского государственного университета. До Заславской я шла очень долго. Я прошла через весь город. Кстати, в мединституте на кафедре был очень интересный состав. Я каждый год езжу в Чебоксары и встречаюсь со своей подругой с кафедры. Она фронтовичка, мужа подобрала на земле – он умирал раненый. Она вытащила его на себе, случился роман, с тех пор я дружу с семьей.

– *Что же было потом?*

– После того, как я отработала в СИБСТРИНе и уже работала в мединституте, меня вызвал Борис Липский, начальник отдела науки. Дело в том, что где-то в начале 1950-х годов вышло постановление о развитии философской науки в СССР. В этом постановлении был пункт об обучении, о создании курсов по подготовке кадров, с которым нас ознакомили. А курсы проводились не в Новосибирске, не в Ленинграде, не в Москве, а в Киеве. Курсы были трехмесячными. Меня направили. Дали мне деньги, билет, все оплатили, включая общежитие в Киеве – в центре, на Крещатике, прямо напротив рынка.

Украина ввела философское образование раньше, чем Россия. Здесь уже была кафедра философии, тогда как в Новосибирске никакой кафедры не было. Кафедры создавались по мере того, как готовились кадры. В общем, Киев, курсы по подготовке преподавателей философии, и вот мы приехали из Сибири, и нам читают философию. Кто читает? Читает доцент, не профессор, Мария Львовна (фамилия вам не важна), – еврейская баба, волосы, выкрашенные в блондинистый цвет, небольшого роста, хромая, так как на войне потеряла колено, фронтовичка, с орденами.

Итак, я освоила эти самые курсы, вернулась и читала философию в мединституте. Заведующим кафедрой был Чапник Владимир Евсеевич, тоже еврей (вообще евреи огромную роль играли в нашей истории, и я еврей, у меня сейчас стоит вопрос, ехать туда или умирать здесь, но я не поеду, я не могу все это выносить). В общем, был изумительный остроумный начальник кафедры, но философии он не знал. А ему по распоряжению ЦК надо было создать отделение философии. Это же была кафедра ОМЛ – основ марксизма-ленинизма, а него три составные части должны быть. Вот философия – составная часть, а кадров на эту составную часть нет (откуда бы они взялись?).

Был еще один вуз – НЭТИ (Новосибирский электротехнический институт), там была третья кафедра, на которой я работала. Ректором НЭТИ был Лещинский. Мощный был ректор, он построил четыре или пять корпусов. Потоки были огромными, аудитории длинными, а читала я диамат. Лекции занудные, никто не слушает, а там последние ряды далеко. Одно дело – квадратные комнаты, когда ты всех студентов видишь, пришел, ходишь (а я еще и двери запираю; я же избалована студенческим вниманием, мне нужно, чтобы была абсолютная тишина), а там, значит, сотни студентов, потоки огромные, в вузе чуть ли не десять тысяч студентов.

Вот в НЭТИ я читала философию. Очень тяжело мне было там работать. Аудитории огромные, нужно было держать дисциплину, партприкрепленные сидели на занятиях, слушали ушами с тетрадкой на коленях, и записывали вопросы, которые задают студенты...

– *И все знали, что они партприкрепленные?*

– Знали, конечно, в этом никакой тайны не было.

В это время был всплеск поэзии. Примерно в середине 1950-х годов как раз до открытия Академгородка, город трясло от поэтов. Приезжала Ахмадулина, приезжало то поколение поэтов и читали свои стихи...

– *Евтушенко, Рождественский...*

– Ну да, да. Надо сказать, что тем временем мой Миша читал физику в своем пединституте. Он работал все время в одном месте. И нам нужно было решать квартирный вопрос. Мы жили в деревянном деревенском домике в одну доску. В таком доме не было даже туалета. Туалет не положен был, так как дом на ветру колышется. Наша избенка была в двух шагах от пединститута, а там сидела баба Маша, которая в туалет пединститута не пускала. Ей нужно было мармелад подарить, про папу-маму рассказать и тогда она тебя пустит. И мы Рывкиным ездили по малой и большой нужде на вокзал, который был в одной автобусной остановке от нашего дома. Такая была жизнь. И дочь там родилась на ветру.

Затем мы начали строительство. Это отдельная линия жизни, как мы вступили в кооперативное строительство. Пятнадцать-двадцать преподавателей складывали деньги, искали участок, находили, копали.

Потом мы получили квартиру в Кировском районе. Академгородок уже был легализован, там шло мощное строительство, территорию осваивали очень быстро. И еще до Заславской мы задумали поменять квартиру в Кировском районе и переехать в Академгородок. Первично было жилье, не кафедра, не институт, не Академгородок, а именно жилье. Мишу пригласили в Академгородок преподавать физику на кафедру физики в НГУ, который к тому времени уже построили. Сначала построили линию общежитий и главный корпус. В общем, мужа пригласили читать физику (физиков не было совсем), и мы поменяли квартиру. Квартиру поменяли, но я продолжала ездить в город на занятия.

Кто заведовал кафедрой в то время, я не помню. Позже заведовал мой студент Володя Фофанов, он и сейчас там работает. Я приехала в университет, зашла туда, со мной стали сразу разговаривать, предлагали остаться, и я стала клеиться к кафедре философии. А мы жили уже на Морском проспекте, первый дом от моря. Шикарное место, лес.

И каким-то образом в это время появляется Шляпентох. Сейчас вот, впервые за пятьдесят лет, он мне прислал письмо. Раньше мы с ним не общались, так как были во враждебных группировках. А у них с Заславской была борьба за место, когда Шубкин стал болеть и отошел от дел.

В общем, каким-то образом появляется в моей жизни Шляпентох. Был такой клуб «Под интегралом», вы не знаете такого? Это как «Билингва» сейчас в Москве... Так вот я там

чирикала (я активный человек, я там везде бегала). И Шляпентох пригласил меня сделать доклад. Он меня спрашивает: «Вы какую тему сможете предложить?» А я тогда увлекалась темой эксперимента и ответила: «Давайте, я расскажу вам замысел исследований по социальному эксперименту в процессе строительства социализма». Такая была изящная тема, и я с ней стала выступать. На той встрече присутствовала Татьяна Заславская... После моего доклада была дискуссия. А потом однажды вдруг раздался звонок в дверь моего дома. Я открываю, и вижу, что стоит эта женщина, – так мы познакомились с Заславской. Она пришла ко мне домой, пришла с мужчиной ниже ее ростом. Это был Миша Заславский. И она мне говорит: «Мы должны работать вместе». У меня даже мороз по коже. Она формировала кадры. Заславская рассказала, что она из Москвы, что она является ученицей Владимира Григорьевича Венжера и Саниной. В это время Аганбегян, наверное, уже был. Так что вскоре после того, как я сделала семинар у Шляпентоха, я перешла на кафедру философии в НГУ.

– У Заславской кто-то уже работал?

– Я не помню. По-моему, еще нет. С самого начала была борьба за власть. Вся история человечества – это история борьбы. Когда приехал Аганбегян, была война с Пруденским Германом Александровичем. Он был председателем комиссии по труду и зарплате при совете министров СССР и директором Института экономики до того, как появился Аганбегян... Впрочем, борьба была очень краткосрочная. Герман Александрович не хотел оставаться в городке в Сибири, он болел, ему надо было вернуться домой в Москву.

Я была знакома с Пруденским. Дело в том, что его дочка училась у меня в группе. А тогда было так: если студент не ходит на лекции, то преподаватель должен был идти по месту жительства, разговаривать с родителями, чтобы студент посещал занятия по марксизму-ленинизму. Таня Пруденская была пианисткой и не посещала мои занятия. Я нашла телефон, позвонила им домой и сказала: «Герман Александрович, ваша Татьяна не посещает занятия». Он говорит: «Так вы и разговаривайте с ней». А потом он меня пригласил. И я у него дома была. Мы с ним познакомились и подружились.

Что было нужно Заславской? Ей было нужно, чтобы кто-то связывал ее со студентами. В-первых, конечно, она аграрница, специалист по сельскому хозяйству. И как специалист по сельскому хозяйству она быстро сообразила, что сельскому хозяйству надо не пшеницу-рожь поднимать, а человека в сельском хозяйстве. Она меня пригласила домой. Я пришла к ней, двое детей, муж, и она мне описала замысел: что есть отдел, есть Аганбегян, такой очаровательный, «вы ему понравитесь, вы подружитесь», будем ездить. Я не очень хорошо все это помню...

Вообще нужно сказать, что Академгородок в определенный период превратился в центр советской научной мысли. Я помню страшную дискуссию о применении математических методов в экономике в Доме ученых. Там было десятка два талантливых голов. Моей же гордостью является то, что я руководила методологическим семинаром, на который приезжали москвичи. Я вела этот семинар двадцать пять лет...

– Он сразу возник?

– Был конкурс семинаров, мы выставляли свои темы, комиссия решала, какой из семинаров проводить. Участвовало тридцать институтов, и все имели свои семинары. И физики делали семинары, и генетики. А мы предлагали семинар по социально-экономическим проблемам – семинар по социологии. Вначале никто и не знал, что это такое, пока Шубкин не раскошегарился и не провел исследование десяти тысяч школьников. Вообще первое исследование в СССР сделал именно Шубкин по анкете, которую привезла из Польши Маша Еросинская. А Маша Еросинская – моя подруга и даже жила у меня. Я у нее жила в Польше, она меня водила в костел, а она у меня жила в Новосибирске. Я дружила и с другими

поляками. Социологию в СССР вообще занесли поляки. А Маша Еросинская привезла первую в СССР анкету.

Так вот, семинар методологический... Большая 241-я аудитория набивалась полностью, люди даже стояли, так как не хватало мест, чтобы сесть. На семинар приезжали из Москвы. Я даже имею блямбу за руководство методологическим семинаром отдела.

Помню один фрагмент. Был у нас такой Малинин – парторг. Однажды на следующий день после очередного семинара я встречаю Малинина в коридоре, он подводит меня к окошку и говорит: «Инна Владимировна, вчера тут был разговор на семинаре. Вы, формулируя цель партии, будьте, пожалуйста, поосторожнее. Вы же Татьяну Ивановну подводите». В общем, в НГУ был отдел КГБ. Дискуссия, о которой упомянул Малинин, касалась целей КПСС на современном этапе. И я сказала, что партия ставит потребительские цели по удовлетворению растущих материальных и духовных потребностей трудящихся, а не по развитию личности. Они на дыбы. Я говорю: «Вот документ с пленума». И читаю: «удовлетворение постоянно растущих...». И еще говорю: «Вы понимаете, когда удовлетворены первичные и вторичные потребности населения, то, конечно, возникает вопрос о переосмыслении, так сказать, целевых установок партии и об акцентах в политике. Естественно, задача идеологического воспитания молодежи не снимается...», и т.д.

И вот, Малинин, секретарь парторга, говорит мне: «Вы подводите Татьяну Ивановну, будьте осторожны, я замечание за вас получил». А у нас с Заславской к тому времени великая дружба уже была, постоянно разговаривали с ней. Я же была завлабом и сидела на своем рабочем месте в 316-й аудитории, там была вся моя лаборатория...

– *Простите, а в лаборатории кто был?*

– Сергей Павленко, Леонид Косалс, Ольга Шарнина, Миша Суховский, Лариса Потехина, Павел Колосовский – и все. Лаборатория была небольшая.

У нас была комната в коридоре, с обыкновенной дверью, крашеной белой краской, в которой работала женщина по имени Кира... Когда приезжали иностранцы, эта Кира приходила за мной и говорила: «Инна Владимировна, с вами хотят поговорить, пойдете». Не так, что она мне звонит домой, и мы с ним встречаемся, а она за мной заходила. Она меня приводит: «Вот познакомьтесь», – а сама сидит здесь же... Вообще было несколько комнат, где располагались КГБ-шники. В одной комнате они занимались текстами, в другой – встречами с иностранцами. В общем, целая сеть у них была.

Значит, был конкурс методологических семинаров Сибирского отделения Академии наук СССР. На этом конкурсе я выигрывала несколько раз первое место. И когда я уезжала, – я очень хорошо помню, – был встроенный шкаф, и в этом шкафу у меня в письменном виде хранились все доклады. Я была еще та «фря» и требовала с докладчиков, чтобы они мне давали письменные тексты. Я все время думала, что буду книжку писать про работу моего методологического семинара, потому что он был невероятно интересным. Там были бурные дискуссии, молодежь сидела тихо как мышки, они даже рот не открывали (даже Косалс, который сейчас много говорит). Очень многие приезжали. Тот же Найшуль выступал у меня на семинаре. Или, например, Петя Авен – откуда он? Он с семинара. Я его водила в сельхозтехникум, в экспедицию он с нами ездил, а потом Заславская его отправила в Вену, вот он и стал известно кем... карьеру сделал.

Очень многие люди тянулись к Заславской. Наш отдел постоянно рос, в нем было человек 60–70.

– *Вы упомянули экспедиции... Такая знаменитая тема. Сейчас многие не знают, как это было. Что, все 60 человек так и выезжали?*

– Нет, отдел выезжал партиями. Составляли списки, кто поедет. Завотделом вызывала каждого, разговаривала: «Хочешь поехать, согласен вот на такой-то срок?» Сначала первые десять человек, потом другие десять человек. Выезжали на две-три недели.

Сначала мы жили в семьях. Позднее в экспедициях было даже, что мы жили в гостинице. Институт оплачивал гостиничные номера. Экспедиции длились они месяцами. Для каждой группы участников институт давал машины. Машина – это шофер, это горючее, все стоило денег, поэтому наши экспедиции Аганбегяну стоили очень дорого. И эти экспедиции висели на бюджете. Все время шла борьба. Заславская и торговалась, и требовала, и просила, и плакалась.

Мы ходили по домам, там нас поили-кормили молоком и хлебом, а мы опрашивали. Магнитофонов тогда не было ни у кого, все писалось рукой. Один вопросы задает, другой пишет.

– *Это, наверное, интересные интервью были...*

– Конечно.

– *Качественные интервью, не анкетирование?*

– Нет, ну что вы, там же люди читать не умели. Вообще про деревню – это отдельный разговор. Как она изменилась! Вообще не так глупа была наша партия. Когда поставили задачу поднять социальную сферу села, деревня изменилась невероятно. Это была такая революция, что после этого десятилетнего партийного курса деревня стала неузнаваема. Когда мы были в первых экспедициях, там были школы – малодворки. Школы такие – маленькая избушка... знаете, были такие деревянные дома, в которых двери не было, была такая ямка, человек туда пролезает и уже после становится во весь рост, вот такая школа была. И там дети, вы представляете, первоклашки...

Я, например, как-то жила в страшно бедной семье. И я хорошо помню, как при мне сумасшедшая старуха бросила только что рожденного ребенка в колодезь. Страшная нищета. С овечками спали. Зима, снег, спишь, ноги под шубами, а рядом овечки дрожат.

– *Подождите, зима, снег, – вы что, и зимой ездили, не только летом?*

– И зимой ездили.

– *Все эти годы?*

– Было несколько экспедиций, три или четыре. Но, конечно, самое интересное в экспедициях – это многодневное обсуждение результатов, постэкспедиционные семинары, где каждый рассказывал буквально все, что он видел своими глазами. Я как сейчас помню 241-ю аудиторию, в ней собирались участники.

Еще интересна, конечно, идея Заславской со статистикой. Голова у Заславской была просто гениальная. Совершенно ясно, что это феномен, выплеск природы. Суть в том, что Госкомстат СССР выпускал формы на все сферы обслуживания: справка бани, справка магазина, справка аптеки, справка клуба, справка почты – справки всех организаций. Были такие зеленые книжечки, где детально были прописана площадь, число посадочных мест, все данные. И совершенно гениальной была идея Заславской заполнять эти формы для науки. Как раз Людмила Хахулина была аспиранткой, сначала моей, а потом Заславская ее взяла к себе в отдел и дала ей это поручение. И Хахулина занималась справками, статистикой. Райстат имеет свои филиалы в районах области, и все отрасли, причастные к населению – транспортные, торговля, медицина, районные поликлиники, поселковые поликлиники, – заполняли справки, указывая все, включая численность кадров, образование этих кадров, специальности, профессиональный состав, что они делают. Отчет делался каждый год. Хахулина отвечала за сбор этих справок для отдела. Собирали эти справки, вбивали данные (уже появились большие машины), делали таблицы, и на этом отдел жил. А ведь бытовое

обслуживание, культура и просвещение, торговля – это все характеристики населенного пункта, на которых потом Заславская делала типологию.

– *То есть поселковые сами все это собирали?*

– Да, это все они сами собирали. Нужно было только договориться и брать это все. А потом только начинается социология. Для сельской семьи было две анкеты – анкета семьи и анкета жителя.

– *Эти анкеты уже не Госкомстат придумал?*

Нет, это уже мы придумали. Социологическое анкетирование состояло в том, что мы приходили в семьи, сами ходили ногами, а статистическое анкетирование делалось иначе... Эти анкеты отдавались. Я даже думаю, что потом они рассылались через Госкомстат в районы, у них там штат очень большой был, и они потом сами все вбивали. В общем, это все потом менялось. Но технология была мощной. Я вам должна сказать, – это просто исторический факт, – что Заславская с таблицами по населенным пунктам, по сфере обслуживания, выступала в ЦК КПСС. Они сидели и слушали всю эту науку. Мощное дело она делала.

Вообще, конечно, социологию партия создала. Чтобы вы просто понимали, что это не с Запада пришло, это изнутри пришло. Однажды мы с дочерью были в гостях у Татьяны Ивановны, позвонил Михаил Горбачев, и я слышу, как она говорит: «Мы же договорились, Михаил Сергеевич, когда это будет?». Он говорит: «В июне». Она положила трубку, а я спрашиваю: «Что будет в июне?» Она говорит: «Наш вопрос будет на пленуме ЦК». 12 июня 1988 г. вышло постановление ЦК КПСС, которое институционализировало социологию в СССР. С подачи Татьяны Ивановны Заславской, благодаря ее выступлению в ЦК с этими картами на примере одного региона Западной Сибири. Это было постановление о развитии, – была такая формула в партийных документах. Они не говорили о создании социологической науки в СССР. Считалось, что речь идет о дальнейшем развитии социологической науки в СССР. Таким образом, эта наша социология была институционализована субъектом власти, который в тот момент олицетворял тип российского государства, который назывался СССР. Я сама не очень хорошо понимаю, почему так получилось. Но видимо, им предложили, и они решили, что так надо.

Беседовал Вадим Радаев